

Михаил ГОНЧАРОК. «Записки маргинала». - Бостон, 2007

В книге шесть разделов. Каждый о своём. В каждом по несколько рассказов? Минимемуаров? То ли это некие кентавры — продукт работы и памяти, и воображения? Тогда всё равно рассказы. Вот как рекомендует себя сам автор: «Всё, что мы пишем, мы пишем о себе...» Кто эти «мы»: все вообще пишущие или только пишущие *маргиналы*? Ведь вот, к примеру, Бабель, по свидетельству дружившего с ним Паустовского, рассуждал совершенно иначе: «Я беру пустяк: анекдот, базарный рассказ — и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться» («Время больших ожиданий»). Базарный рассказ — это ведь не о себе, не правда ли?

Но то Бабель. А мой герой не Исаак Эммануилович, а Михаил Маркович (Гончарок). Это я подлаживаюсь под него самого, нередко заменяющего в своих текстах фамилию известного человека его именем-отчеством: Анна Андреевна вместо Ахматовой, Владимир Семёнович вместо Высоцкого. Вообще-то подобная манера кажется мне излишне фамильярной, но о ком пишу, *того и танцую*...

Итак, буду исходить из авторской декларации: всё о себе. Многие в книге работают на эту формулу. Рассказы — все до одного — написаны от первого лица, причём нередко это лицо называет себя Мишей, а кое-где намекает и на своё отчество, которое иные русские люди, по своей темноте, не могли произнести (?) и заменяли более знакомым им Макарыч. И возраст рассказчика совпадает с возрастом автора (см. рассказ «Глазницами в рассвет»). И описанные *случаи из жизни*, и персонажи, в них занятые, тоже вполне реальны, хотя, признаться, многовато их на одного человека, даже если он маргинал. Некоторые персонажи, помимо самого автора, переходят из рассказа в рассказ. Таковы: «моя Софа», о которой не раз доверительно сообщается, что она — его *вторая* жена; сосед дядя Коля; сослуживец по Советской Армии Серёга Клименко; есть и другие. Как-то верится, что все они всамделишные, а не придуманные.

Ощущение документальности материала усиливается упоминанием в некоторых рассказах довольно известных по жизни фигурантов, как, например, Александр Якобсон, коего рассказчик запросто именуется Сашей, отмечая к тому же такую подробность: дескать он, рассказчик, «надел клетчатую рубашку, которая раньше принадлежала Саше Якобсону, бывшему члену ЦК левоатеистической партии МЕРЕЦ». Или Зеев Гейзель, математик, переводчик, бард (я был с ним знаком ещё в советские времена).

Ещё одна черта, «льющая воду на мельницу» автобиографичности записок маргинала: склонность автора к поэтике сказа, с одной стороны, придающей этой прозе привкус экзотичности, но с другой... «Я приходил сюда по пятницам, я шёл к сердцу арабского квартала Старого города в ленивой сутолоке базара (...); я добирался до лавки старика ровно без пяти двенадцать — и застывал, медленно поворачиваясь по часовой стрелке» (рассказ «Очарованный принц»; я к нему ещё вернусь). Помимо «ленивой сутолоки базара» и «медленного поворота», тут ещё и анафоричность — вот это трижды повторяющееся «я» в начале сочинённых (в грамматическом смысле) конструкций, — которая воздействует, как крупный план в кино, властно заставляющий поверить в подлинность происходящего.

Но порою, увлекаясь сказом, М.Гончарок впадает в излишества и переходит на стихотворение в прозе а ля Андрей Белый и... Васисуалий

Лоханкин. Этим грешат концовки как того же «Очарованного принца», в целом рассказа превосходного и по замыслу, и по исполнению, так и другого текста — «Глазницами в рассвет»; впрочем, в этом последнем ритмизованная проза более оправданна, поскольку она представляет собой поток сознания. Кстати, посвящён этот рассказ недоброй памяти дням срочной службы персонажей в рядах «непобедимой и легендарной» Советской Армии.

Если говорить о жизненном материале, лежащем в основе много- и разнообразных сюжетов этой книги, прежде всего укажу на их обширную географию (Ленинград советских времён и окрестности; Калининград, он же «Кёниг»; Афганистан; и, конечно, Израиль со своей столицей — местом обитания и объектом восхищения автора) и этнографию (евреи, русские, украинцы, армянин Хачик, арабы, бедуины — словом, целый интернационал народов и племён). Тут можно ещё добавить, что братья по крови автора тоже весьма разнолики: все эти дедушки и бабушки и даже их родители. Гончарок со вкусом рассказывает о них, точно видел их воочию, хотя насчёт «пра» позволительно усомниться.

Следующий разрез — социальный. В первом разделе «Записок» - «Лица необщим выраженьем...» - предостаточно всевозможных типов и «чудиков». Полукрестьянин-полупролетарий Василь Васильевич, ненавидящий курево и коммуны. Странный репатриант по имени Иван, живущий в Кирьят-Арбе (!) и разгуливающий по арабским районам Хеврона «враскачку, как моряк на суше. За ним следят тысячи ненавидящих глаз, он их не замечает».

Однокашник рассказчика со времён детского сада Владик, учившийся «легко и быстро, как бы шутя», в четырнадцать лет уже вовсю гулявший с девицами, прошедший через все искусства позднесоветского времени (игру на гитаре и фарцовку), а в конце концов ставший «духовнопросветлённым гуру нового поколения». А ещё колоритная Фанни Давыдовна, дочь американских коммунистов — из тех, кто в 30-е годы «репатриировались» на родину пролетариев всех стран. Фанни дожила до восьмидесяти шести лет; двадцать два из них провела в сталинских лагерях, где потеряла все зубы, но «так и не избавилась ни от чудовищного английского акцента, ни от корёженья русских неправильных глаголов», ни, добавлю, от веры в светлое коммунистическое будущее.

И тот «иссохший от учёности старец с меховой шапкой на голове», коего встретил рассказчик «на перекрёстке улиц Пророка Иеремии и Всех Пророков, в самом сердце талмудической учёности и святости великого города». И другой старец, араб по имени Абд-Аллах, свято блюдуший законы гостеприимства (за порогом его дома бывшему гостю могут всадить в спину нож, «но здесь он в безопасности — до того момента, как выйдет за порог») и честно предупредивший Мусу-Михаила, чтобы он больше не приходил, ибо уже не сможет защитить его в своём доме (это всё тот же «Очарованный принц»). И многие другие.

Остановлюсь ещё на двух материях. О первой скажу кратко: мне близки политические убеждения автора «Записок маргинала», складывающиеся из: неприятия коммунистической системы, широкой веротерпимости, скептического отношения к так называемому «мирному процессу» и недоверия к Шарону в бытность того главой правительства Израиля («... защитит ли посторонних, и даже своих детей и женщин Шарон, это ещё науке неизвестно»). Наверное, и я в этом смысле маргинал, хотя кто знает...

О второй... Собственно, это и есть в точном смысле *материя*, ибо тут дело идёт о словесной ткани этих рассказов, об их, если можно так выразиться, клеточной структуре. Борис Камянов в своём кратком послесловии к «Запискам» пишет, что в прозе их автора прослеживается определённый литературный генезис, «причём его (автора.-М.К.) предтечи — из тех, кто составляет гордость русской литературы». Но имена назвать не пожелал. Не знаю, совпадут ли мои гипотезы о предтечах с сокрытыми камяновскими, но отважусь их озвучить. Как мне кажется, раньше всего речь должна идти о влиянии, с одной стороны, Бабеля, с другой — Довлатова. Вот образчик а ля Бабель: «Тьма взяла меня за горло. Я был весь в поту, из переулков вываливались тонны и века ватной тишины». А вот «довлатовское»: «Посидев в машине под палящим солнцем ещё секунд двадцать и зная неспешный характер своего ленинградского соученика, бывшего комсомольца и отличника политической подготовки, я перечитал записку и, подумав, добавил в конце большими буквами слово "Бл...б", не думая ни на секунду (лучше бы: «ни секунды».-М.К.) о том, что товарищ мой может принять это выражение за подпись». Тут похож не крой фразы, а насыщенность её внутренним комизмом при сохранении «серьёзного выражения лица».

Есть в этой прозе и приметы постмодерна, к примеру, часто поминаемая комментаторами родовая его черта — *центонность*. Мне показалось не случайным столкновение строки Галича, заключающей рассказ «Забудь-трава», с чеховской шуткой («В Греции всё есть»), открывающей смежный текст «Эллинский секрет».

И ещё одно влияние разглядел я в рассказе «Василиса». Может быть, это покажется странным самому автору, но я имею в виду... Фолкнера, с его совмещением времён на узком пяточке текста и длинными речевыми периодами наподобие того, что занимает целый абзац на странице 166-й, начиная со слов: «И сказала, плача и злясь» — и кончая словами: «... ты дурак такой, Мишка, приезжай» (фраза растянулась на тринадцать строк).

Кстати. Книжка приехала к нам из Бостона, причём там её издали по собственной инициативе, ознакомившись с текстами, вывешенными в Интернете. Пересказываю то, что слышал от вышеозначенного «Мишки».

Михаил Копелиович